

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДХАУС

*ПЕРЕЛЕТНЫЕ СВИНЬИ.
РАД СЛУЖИТЬ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Пелам Гренвилл Вудхаус Перелетные свиньи.

Рад служить

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67973187

Перелетные свиньи. Рад служить: Издательство АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-133419-2

Аннотация

Чудаковатый лорд Эмсворт души не чает в своей любимице – свинье по имени Императрица. Императрица уже дважды завоевывала первенство в классе толстых свиней. Она имеет все шансы стать победительницей и в третий раз, но козни сэра Парслоу, владельца ее основной соперницы, могут помешать этому.

В романе «Рад служить» герцог Данстабл снова гостит в Бландинге, намереваясь забрать у лорда Эмсворта Императрицу.

Жизнь бесхитростных розовых свинок становится такой же захватывающей и насыщенной событиями, как и жизнь обитателей замка Бландинг и Матчингем-Холла, гостеприимно собравших под своей кровлей столько разбитых, запутавшихся сердец. Крепкие стены замка способны выдержать многое: и странности престарелого главы клана, и проделки

представителей младшего поколения, и безумные выходки гостей замка.

Содержание

Перелетные свиньи	6
Глава I	6
Глава II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пелам Гренвилл Вудхаус

Перелетные свиньи.

Рад служить

© The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Перелетные свиньи

Глава I

1

Дворецкий Бидж вошел в библиотеку Бландингского замка, немного пыхтя после лестницы, поскольку он уже не был стройным лакеем, как тридцать лет назад. В руках он держал поднос, на подносе лежали письма.

– Дневная почта, милорд, – объявил он, и лорд Эмсворт, оторвавшись от книги (Уиффл «Уход за свиньей»), сказал:

– Почта, а? Э... то есть почта? Угу, угу.

Сестра его, леди Констанс Кибл, нередко сетовала на его отрешенность («О господи, Кларенс, чего ты вылупился!»), но и он мог при случае проявить быстроту ума.

– Да, да, почта, – продолжал он. – Это хорошо. Спасибо, Бидж. Положите ее на стол.

– Слушаюсь, милорд. Простите, милорд, можете вы побеседовать с сэром Грегори Парслоу?

– Нет, – сказал лорд Эмсворт, оглядев комнату. – Он же не здесь.

– Сэр Грегори только что звонил и просил, чтобы вы его приняли. Он идет в замок.

Лорд Эмсворт заморгал.

– Идет? Пешком?

– Видимо, да, милорд.

– А почему не едет?

– Он не объяснил, милорд.

– Целых три мили, – сказал лорд Эмсворт, – и жара какая!

Он глупый человек.

На такие замечания, как бы он им ни сочувствовал, дворецкий не отвечает: «Золотые слова!» – или «В точку!». Бидж чуть-чуть скривил губы, показывая тем самым, что не лишен чувств, а лорд Эмсворт стал думать. Думал он о сэре Грегори Парслоу из Матчингем-холла.

Многие из нас склонны завидовать графу, который живет в замке, среди вассалов и слуг. «Везет же людям», – говорим мы, отъезжая в шарабане от его покоев; и большей частью мы правы.

Но как мы неправы, если речь идет о девятом графе Эмсворте! В его раю был змий, на ложе из цветов – острый шип. Да, он получил от судьбы богатство, здоровье, замок, прекраснейший парк, но все эти дары обращались в прах, ибо чистый воздух отравлял такой человек, как сэр Грегори Парслоу, лелеявший темные замыслы против свиньи по имени Императрица.

Лорд Эмсворт не чаял в ней души. Дважды получив пер-

вое место по классу жирных свиней, она собиралась получить его в третий раз, если бы не Парслоу, все тот же Парслоу, владевший ее соперницей, Красой Матчингема.

Два года назад зловещий баронет подкупил и увел от нее одареннейшего Джорджа Сирила, и младший брат девятого графа утверждал, что это – только начало. В конце концов, чего и ждать от человека, который, еще не унаследовав титула, жил в Лондоне без гроша, только и бегая от закона? Хочет он протащить свою свинью – ни перед чем не остановится. Так говорил высокородный Галахад.

– Парслоу! – сказал он. – Я его знаю лет с двадцати. Опасный тип. Когда его ждали в гости, сильные мужчины трепетали и прятали все ценное. Таким он был и навряд ли изменился. Смотри за ней, Кларенс, а то этот враг рода человеческого подложит бомбу ей в корыто.

Слова эти проникли глубоко и внушили лорду Эмсворту примерно те же самые чувства, какие испытывал Шерлок Холмс к профессору Мориарти. Вот он и думал о сэре Грегори, и не очнулся бы от дум, если бы Бидж не кашлянул.

– Э? – сказал лорд Эмсворт, выходя из транса.

– Вы что-нибудь прикажете, милорд?

– Прикажу? А, понятно! Прикажу. Нет, Бидж, мне ничего не надо.

– Спасибо, милорд.

Бидж величаво удалился, напоминая при этом слона, проходящего сквозь джунгли; его хозяин снова стал читать. Дво-

рецкий прервал его посередине той замечательной главы, в которой рассказывается, что свинья должна съесть в день не меньше 57800 калорий, а содержатся они в картофеле и обезжиренном молоке.

Однако ему не везло. Не успел он прочитать и фразы, как дверь открылась и впустила на сей раз прекрасную надменную даму, в которой, немного поморгав, он узнал свою сестру.

2

Горький опыт научил графа, что визиты леди Констанс — не к добру, а потому он, как обычно, решил отрицать все, в чем бы она его ни обвинила. Отрицал он мастерски и в способ этот верил.

На сей раз, однако, она вела себя мирно, даже приветливо.

— О, Кларенс! — сказала она. — Ты не видел Пенелопу?

— Э?

— Пенелопу Доналдсон.

— Кто такая, — осведомился лорд Эмсворт, — Пенелопа Доналдсон?

Леди Констанс вздохнула. Не будь она дочерью восьми графов, она бы гавкнула. Отерев лоб рукой, на которой сверкали кольца, она подняла глаза к потолку.

— Пенелопа Доналдсон, — отвечала она с той мягкостью, с какой говорит терпеливая женщина, когда перед ней один из

самых отсталых представителей выродившейся семьи, – это младшая дочь мистера Доналдсона из Соединенных Штатов Америки, чья старшая дочь вышла замуж за твоего сына. Напомню, что сына у тебя два – твой наследник, Бошем, и младший сын, Фредерик. Фредерик женился на старшей мисс Доналдсон. Младшая мисс Доналдсон – ее зовут Пенелопа – гостит в Блэдингском замке, это здесь. Тебя я спрашиваю, не видел ли ты ее. Кроме того, я прошу, чтобы ты не разевал рот. Ты похож на золотую рыбку.

Мы уже говорили, что иногда лорд Эмсворт понимал все с ходу.

– А! – воскликнул он. – Ты хочешь сказать, Пенелопу Доналдсон. Видел, видел. Они там с Галахадом. Я выглянул из окна, а они идут. Гуляют, – пояснил лорд Эмсворт.

Леди Констанс издала такой звук, словно ткнула мокрым пальцем в раскаленную плиту.

– Галахад ее не отпускает, – сказала она. – Где его ум? Ему прекрасно известно, что она здесь из-за Орло Воспера.

– Кто?..

– О, Кларенс!

– В чем дело?

– Если ты спросишь: «Кто такой Орло Воспер?», я тебя чем-нибудь ударю. Ты это нарочно, назло! Сам знаешь, кто он такой.

Лорд Эмсворт вдумчиво кивнул.

– Знаю, – сказал он. – Вроде актера. Он живет у нас.

– Я догадываюсь. А Пенелопа его избегает.

– Какая умная девушка! Он очень скучный.

– Ничего подобного. Очень занятный.

– Кого он занимает, меня?

– Наверное, нет. Ведь он не говорит день и ночь о свиньях.

– Куда там! Когда я повел его к Императрице, он зевнул.

– Ему очень нравится Пенелопа.

– Закрылся рукой, но я увидел. Стоит и зевает.

– Для нее это прекрасная партия.

– Что?

– Это.

– Партия?

– О, Кларенс!

– Как же я тебя пойму, если ты крутишь и... да... вертишь? Говори просто. Говори прямо. Какая такая партия?

Леди Констанс снова ткнула пальцем в печку.

– Я говорю тебе, – устало ответила она, – что Орло Восперу нравится Пенелопа, а мистер Доналдсон будет очень доволен таким браком. Одно из самых старых семейств, и денег куча. Но что может выйти, если она все время с Галахадом? Одна надежда, завтра мы с ней едем в Лондон, везет нас Орло. Слушай ты, господи!

– Я и слушаю. Пенелопа едет в Лондон с мистером Дональдсоном.

– О, Кларенс!

– Или с твоим Воспером. Зачем куда-то ехать в такую жа-

ру? Очень глупо.

— У нее примерка. Платье для здешнего бала. А Орло должен повидать своего поверенного, насчет налогов.

— Налогов! — вскричал лорд Эмсворт, уподобляясь коню при звуке боевой трубы. Свиньи и налоги действительно трогали его. — Вот, я тебе скажу...

— Мне пора, — оборвала его леди Констанс, выбегая из комнаты. Беседы с главой семьи всегда этим кончались, разве что они проходили на воздухе, тогда она просто убегала.

Оставшись один, лорд Эмсворт некоторое время наслаждался тем покоем, который приходит к неприхотливым людям, когда женские члены их семьи уйдут куда-нибудь. Тут взгляд его упал на письма, он стал их просматривать. Просмотрев и отложив с полдюжины самых скучных писем, какие только бывают, он наткнулся на что-то иное и вскрикнул: «Ой, боже мой!»

То была открытка, одна из тех пестрых открыток, которых мы, интеллигенты, не выносим, хотя прочим людям они даруют чистую радость. Изображала она обнаженную красотку, по-видимому — Венеру, которая выходит из пенистых волн, произнося при этом (если верить пузырю, вылетающему изо рта): «Ах, как прекрасна жизнь!» Внизу, в волнах, можно было прочесть: «Ку-ку! Ну как, дорогой? Поздравляю и целую! Твоя Моды».

Открытка озадачила лорда Эмсворта, как озадачила бы любого мыслителя. Он не знал никаких Моды, тем более —

столь нежных. В отличие от своего брата, который в свое время просто утопал в барменшах и балеринах, девятый граф всячески избегал Моды мира сего.

Поправив слетевшее было пенсне, он сунул открытку в карман и взял книгу, но поздно! Все эти Биджи и Конни, Пенелопы и Моды совсем расстроили его, он ничего не понимал.

Оставалось одно. Утвердив пенсне, он пошел к своей Императрице.

3

Императрица жила в игрушечном домике, недалеко от огорода. Когда лорд Эмсворт приблизился к ее будуару, она, как почти всегда, набивала утробу теми 57800 калориями, о которых печется Уиффл. Моника Симмонс снабдила ее картофелем, ячменной болтанкой и маисовой и сепарированным молоком, а она их ела с приятной жадностью, которой восхитился бы любой ее друг и почитатель.

Когда лорд Эмсворт приблизился, у перилец стояла эта самая Моника, массивная девица в брюках, очень похожая на дочь многодетного викария, играющую, как и сестры, в летний хоккей (собственно говоря, ею она и была). Девятый граф не очень ее любил, подозревая в том, что она фамильярна с Императрицей; и получил особенно мерзкое подтверждение этого порока.

– Привет, лорд Эмсворт, – сказала она. – Жара какая! Пришли к нашей свинке-спинке? Ну, я пойду попою. Жутко пить хочется. Пока.

И удалилась, попирая большими ногами траву и сено, а лорд Эмсворт, дрожа как осиновый лист, ухватился за перильца, печально вспоминая прежних хранителей свиньи – Джорджа Сирила, перешедшего к врагу; Перси Пербрайта, вести о котором доносились из Канады; Эдвина Потта, который ушел в частную жизнь, выиграв в лотерею. Ни один из них не называл бы ее «свинкой-спинкой». Эдвин Потт, говоря строго, и не мог бы, поскольку у него не было неба.

«Хуже некуда», – думал лорд Эмсворт, и его беспокойство не могла утишить даже сладчайшая из песен – хрюканье Императрицы, когда рядом с ним у перилец оказался невысокий, изящный джентльмен лет пятидесяти восьми, которому он и сказал: «А, Галахад!»

– Пип-пип! – радушно откликнулся новоприбывший.

Галахад Трипвуд был единственным членом семьи, к которому мы применили бы слово «выдающийся». Мир, как известно, не знает самых великих, но тесный мирок клубов, ресторанов, баров, бегов знал Галахада хотя бы понаслышке. Позор и беда своих сестер (Констанс, Джулия, Дора и т. п.), он пользовался уважением в менее суровых сферах, ибо сердце у него было золотое, душа – просто изливала млеко незлобивости.

Сейчас, когда он глядел на свинью Императрицу, его от-

влекло то ли рыдание, то ли стон и, обернувшись к брату, он увидел, что любимые черты искажены горем, словно глава семьи съел что-то кислое.

– Здравствуй, Кларенс! – продолжал Галахад. – Что-то ты грустишь! В чем дело? Думаешь об этом прискорбном инциденте в «Гербе Эмсвортов»?

– Э? – удивился граф. – Об инциденте? А что такое случилось?

– Неужели не слышал? Мне говорил Бидж, ему – судомойка, а уже ей – шофер. Насколько я понял, дворецкий сэра Грегори, Бинстед, ставил вчера на его свинью один к пяти.

Лорд Эмсворт был поражен.

– На Красу Матчингема? Он спятил? Что она перед Императрицей?

– Вот и я удивляюсь. Скорее всего, Бинстед напился и порол бог весть что. Хорошо, ты не слышал. Почему же ты так похож на глисту в отчаянии?

Девятый граф охотно поведал брату свою печаль.

– Это Моника меня расстроила, – сказал он. – Не пове-ришь, она назвала ее «свинка-спинка».

– Так и назвала?

– Честное слово! «Привет, – говорит, – лорд Эмсворт. Пришли к нашей свинке-спинке?»

Галахад помрачнел.

– Прискорбно, – сказал он. – Очень плохой тон. Остается предположить, что несчастное дитя не понимает всей своей

ответственности. Так думает и Бидж. Он поставил на Императрицу солидную сумму и, естественно, беспокоится. «Готова ли La Simmons к своей роли?» – думает он. И я его понимаю. Заметь, Кларенс: сегодня – «спинка-свинка», а завтра? Такая девушка, страшно сказать, забудет покормить ее! Почему ты поручил столь ответственное дело лупоглазой дочери сельского викария?

Лорд Эмсворт, говоря строго, не ломал руки, но был к этому близок.

– Это не я, – возразил он. – Это Конни. Она им покровительствует. Ее и вини, Галахад.

– Конни! – воскликнул Галахад. – Я все больше думаю, что Блэдинг не станет раем, пока в нем есть наши сестры. Зачем они, Кларенс? Их надо ставить на место.

– Именно, – сказал лорд Эмсворт. – Да, вот именно.

Воцарилась тишина, если она может царить, когда обедает Императрица. Нарушил ее лорд Эмсворт.

– Где Элис? – спросил он.

– Кто?

– Ну, Пенелопа! Пенелопа Доналдсон. Вы вроде гуляли.

– А, Пенни? Да, гуляли, болтали. Какая милая девушка!

– Очаровательная!..

– Красивая, умная, мало того – добрая. Я случайно заметил, что выпил бы виски с содовой, и что же? Побегала, сказала Биджу, чтобы мне не пришлось заходить в дом.

– Ты будешь сейчас пить виски с содовой?

– Да. Оно вернет мне румянец, а главное – я подниму бокал за Биджа. Сегодня у него день рождения.

– У Биджа?

– Да.

– Ой, господи!

Лорд Эмсворт полез в карман.

– Понимаешь, Галахад, с дневной почтой я получил очень странную открытку. Совершенно непонятную. Всякие слова, а подписано «Моди». Может быть, это не мне, а Биджу?.. Наверное, написали ему, а принесли мне. Посмотри.

Галахад рассмотрел открытку в монокль и на оборотной стороне увидел надпись:

**«М-ру Себастьяну Биджу,
Бландингский замок,
Шропшир».**

Лицо его стало серьезным.

– Разберемся, – сказал он. – Сколько лет он в замке? Восемнадцать? Или девятнадцать? Точность тут не важна, важно то, что я привык к нему, как к сыну, а если сын получает голых Венер от каких-то Моди, мы должны объясниться. Иначе секс поднимет здесь, у нас, свою мерзкую голову¹. Эй, Бидж!

Себастьян Бидж приближался еще величавей, чем всегда, ибо нес высокий бокал, наполненный янтарной влагой. Ря-

¹ ...поднимет свою мерзкую голову – слова из детективного романа «Цветы для судьбы» (1936) Марджори Аллингэм (1904–1966).

дом поспешала тоненькая белокурая девушка, наводившая на мысль, что дворецкий прихватил по пути местную русалку. На самом же деле она была младшей дочерью американского миллионера, производящего корм для собак.

– Вот и мы, Галли, – сказала она. – Идем на выручку.

Галахад взял животворящий напиток и возгласил:

– С днем рождения, Бидж!

– Спасибо, мистер Галахад, – отвечал дворецкий.

– Хлебнете, Пенни?

– Спасибо, нет.

– Кларенс?

– Э? А? Нет, спасибо.

– Прекрасно, – резюмировал Галли, допивая бокал, – а теперь перейдем к неприятному. Бидж!

– Да, сэр?

– Посмотрите на эту открытку.

Бидж взял открытку, и лицо его странно задвигалось, словно он улыбнулся бы, если бы не жесткий кодекс дворецких.

– Итак, Бидж? Мы ждем. Кто такая Моди?

– Моя племянница, мистер Галахад.

– Да?

– Дочка брата. Можно сказать, непокорная овца. Убежала в юности из дома, стала служить в баре.

Галахад насторожился – что-что, а бары он знал. Упомяните при месяе Жиллетте безопасные бритвы!

– В баре? В каком?

– В «Крайтириен», мистер Галахад.

– Я должен ее знать. Что-то не помню никакой Моды Бидж...

– Она взяла псевдоним, Монтроз.

Галли запрыгал от радости.

– Моды Монтроз! Конечно, знал. Дивная девица, с синими глазами. Волосы – как золотое гнездо. Сколько рома я принял из ее рук! Что с ней стало?

– Она вышла замуж, мистер Галахад.

– Надеюсь, муж ценит ее несравненные достоинства?

– Его уже нет, сэр. Он подхватил двухстороннее воспаление легких. Стоял под дождем на улице.

– Зачем?

– По службе, сэр. Он был сыщик. Такое бюро, «Детективы Дигби». Теперь его ведет племянница, говорят – неплохо.

Пенни с интересом взвизгнула.

– Она сыщица? С лупой и отпечатками пальцев?

– В определенном смысле, мисс. Грубую работу выполняют подчиненные.

– Ну, все равно сыщица. Чего только не бывает!

– По всей вероятности, мисс, – согласился дворецкий и обернулся к лорду Эмсворту, который почесывал Императрицу прутиком. – Я еще не сообщил вам, милорд, что пришел сэр Грегори.

– Ах ты господи! Где он?

– В утренней зале, милорд.

– Зачем он пришел? Он знает, что я отношусь к нему с глубочайшей подозрительностью. Но вообще-то, надо к нему выйти, а то Конни накричит. Она всегда говорит, чтобы я был гостеприимным.

– Спасибо, что я тут не хозяин, – заметил Галли. – Поставлю его на место в одну минуту. Знаешь, Кларенс, Бидж дал нам ценнейшие сведения.

– Э?

– Про Моды.

– Кто такая Моды?

– Ладно, замнем. Иди к этому гаду.

Лорд Эмсворт ушел. За ним на должном расстоянии следовал верный Бидж, а Галли глядел им вслед задумчивым взором.

– Смотрите-ка! – сказал он. – Сколько я знаю Биджа? Восемнадцать лет, а то и все девятнадцать. В общем, лет с сорока, чуть ли не с детства. И только сегодня мне открылось, что имя ему – Себастьян. Это было и с Рожей Биффеном. Наверное, вы его не встречали? Еще недавно он жил тут, рядом, но уехал до вашего приезда. В старое доброе время он подписывался Джордж Дж. Биффен, и только через много лет, когда мы ужинали у Романо, он утратил сдержанность под влиянием *crème de menthe*² и старого бренди (он смешивал их опыта ради). Тогда он и открыл, что второе «Дж»

² Мятный ликер (франц.).

означает...

– Галли, – сказала Пенни, довольно давно выводившая по дерну вензеля носком туфельки, – вы не одолжите мне две тысячи фунтов?

4

Никому еще не удавалось ошеломить достопочтенного Галахада. Няни, бонны, гувернантки, учителя (домашние и школьные), профессора, шулеры, букмекеры, продавцы заливных угрей и столичные полисмены стремились к этому лет пятьдесят – и терпели поражение. Клуб «Пеликан» знал и повторял, что превратности судьбы не отнимут у Галли Трипвуда спокойной беспечности, которой обладает, к примеру, свинья на льду. Однако сейчас он так дернулся, что монокль упал, как падало обычно пенсне у брата его, Кларенса.

– Две тысячи? – переспросил он, не веря своим ушам.

– Они мне очень нужны.

Галли вздохнул и погладил ее маленькую ручку.

– Дитя мое, я – нищий, я – младший сын. Здесь, в Англии, все получает старший, а прочие подбирают крошки с его стола. Дать вам две тысячи не легче, чем балансировать этой свиньей.

– Ну хорошо. Я думала, у вас есть. Забудем об этом.

Галли глядел на нее, размышляя о том, может ли она думать, что человек, прославленный своим любопытством, так

это и оставит. Он, Галахад Трипвуд, хотел бы получать по фунту, нет – по шиллингу за всякий раз, когда ему скажут: «Не твое дело!»

– Неужели, – спросил он наконец, – вы так и не объясните?

– Не знаю. Смотря по тому, умеете ли вы хранить тайну.

– Конечно, умею! Да если б я открыл все, что мне рассказали, мир пошатнулся бы, вся цивилизация! Не бойтесь, рассказывайте.

– Да, так будет легче. Правда, тяжело молчать?

– Мерзко и гнусно. Ну, ну! Что за две тысячи фунтов? На что вам они?

– Не совсем мне... Ах, Галли, я влюбилась!

– Вот оно что!

– Чему тут удивляться? Все влюбляются.

– Бывает, бывает.

– Ну, и я влюбилась в Джерри.

– В какого именно?

– В Джерри Вейла.

– В жизни своей не слышал!

– Что ж, и он не слышал о вас.

Галли пришел в негодование.

– То есть как не слышал? Слышал. Англия звенит моей славой уже лет тридцать. Если бы вы не были янки, вы бы знали меня как миленькая и относились ко мне с должным почтением. Хорошо, вернемся к Джерри. Судя по вашей просьбе, он не очень богат. Как говорится, плохая партия,

бедный дыхатель?

– Не такой он бедный. Зарабатывает.

– Чем?

– Пишет книги.

– О господи! Конечно, и писателя создал Бог...

– Он пишет про всякие ужасы. Но вы же помните поговорку: «Преступление не окупается»?

– А ваш отец-миллионер?

– Если я ему напишу, он меня тут же отвезет в Америку, а там – пошлет к тете, в Огайо.

– Суровый отец? Я думал, это отменили в прошлом веке.

– Да, но ему не сказали. Да и вообще, Джерри гордый, он не станет жить на чужие деньги.

– Ничего, переучите!

– Нет, я его за это люблю. Видели бы вы, сколько мерзавцев охотится за моим приданым! Как хорошо встретить джентльмена. Он – истинный рыцарь, Галли, таких просто нет. Ему бы две тысячи фунтов...

– Зачем? Он любит фунты или есть другая причина?

– Один его друг, врач, хочет основать курорт. Вы слышали о Малдуне?³

– Конечно. Я бывал у вас в Америке.

– Вот примерно такой, только...

– Пошикарней?

³ *Малдун* – санаторий в штате Нью-Йорк, в селенье Уайт-Плейнз, основанный Уильямом Малдуном.

– Ну, скажем, поиззящней, это же в Англии. Для усталых лордов и обессиленных миллионеров. Плата – огромная. Такой курорт уже есть в Уэльсе, они просто гребут деньги. А этот – еще и удобней, он в Сассексе или в Сарри, ближе к Лондону. Джерри находит две тысячи фунтов и становится младшим партнером. Друг щупает пульс, прописывает диету, а Джерри играет с ними в гольф, ездит верхом, вообще – развлекает их. Ему это нравится, и выйдет у него прекрасно. Мало того – он сможет писать свою Книгу.

– Он пишет Книгу?

– Пока что нет, ему некогда. Но у него все в голове. Ему бы несколько часов в день посидеть спокойно, и он такое напишет... Почему вы похожи на лягушачье чучело?

– Вы хотите сказать, на роденовского «Мыслителя»? Потому что я гадаю, как вы с ним познакомились. Конни встретила вас в порту и повезла сюда.

– Подумайте, Галли. Ну, ну!

– Нет, не понимаю!

– Да на пароходе. Джерри очень умный. Он решил изучить американский рынок и побывал в Америке.

– А как изучают рынок?

– Наверное... ну, изучают.

– А, вон что! Изучают.

– Именно. Он изучил и поплыл домой.

– И, естественно, встретил вас?

– Да. На второй день. Мы больше не разлучались. Какая

луна!

– Там есть луна?

– А то как же!

Галли почесал подбородок, снял монокль и тщательно его протер.

– Прямо не знаю, что и сказать. Да. Удивили вы седого друга... Значит, вы влюблены?

– Рассказать еще раз?

– Но вы же недавно знакомы!

– Ну и что?

– Так, размышляю... Не мне говорить о благоразумии. Сам я хотел жениться на певичке в розовом трико. Однако...

– Да?

– Я бы на вашем месте был осторожен. Разные бывают люди. Одно дело – пароход, луна, другое – жизнь. На суше, среди всяких блондинок, человек меняется.

– Галли, мне противно вас слушать.

– Простите. А все ж надо намекнуть – суровая реальность, то да се.

– Если бы я узнала, что Джерри – плохой, я бы бросила его, Доналдсоны горды.

– Еще бы!

– Но он хороший. Он просто тюпочка. Это же очень хорошо!

– Куда уж лучше!

– Ну вот!

Императрица жалобно захрюкала – картошка, источник калорий, откатилась за изгородь. Галли учтиво ее вернул, и благородная свинья хрюкнула благодарно.

– Если он тюпочка, дело плохо. Нелегко расстаться с таким сокровищем! Вы – здесь, он – в Лондоне. Томитесь, а?

– Томилась, до сегодняшнего дня.

– Почему это?

– Сквозь тучи пробился свет. Леди Констанс едет завтра на примерку. Нас повезет лорд Воспер.

– Как он вам?

– Ничего, нравится.

– Вы ему тоже нравитесь.

– Да, я заметила.

– Красивый такой.

– Ничего, красивый. Да, так вот, мы едем в Лондон, и я обедаю с Джерри.

Галли приятно поразил этот детский оптимизм.

– Под надзором Конни? Ничего не выйдет!

– Выйдет, выйдет. Понимаете, у папы есть в Лондоне старый друг. Папа мне не простит, если я к нему не зайду. К ней, это дама. Вот мы и пойдем обедать.

– И с Джерри?

– Между нами говоря, ее нет. Я – как поэт у Шекспира, дала небытию и дом, и имя⁴. Вы видели «Как важно быть серьезным»?

⁴ ...дала небытию и дом, и имя – см. «Сон в летнюю ночь», V, 1.

– Не отвлекайтесь.

– Я и не отвлекаюсь. Помните Бенбери? Герой его выдумал. Вот, а у нас – его мама, миссис Бенбери. Немного такта – и все устроится. Ну, я пошла. Надо написать Джерри.

– Вы же его завтра увидите!

– Нет, правда, Галли, вы плохо знаете жизнь! Письмо я прочитаю за столиком, а он прочитает мне свое, он его сейчас и пишет. Утром я послала телеграмму, что остановлюсь у леди Гарленд. Если вы помните, это – ваша сестра Дора. Встретимся мы с ним в «Савое», ровно в восемь.

И Пенни убежала легкой поступью любви, а Галли, чья молодость прошла среди менее предприимчивых девиц (если не считать танцовщиц или барменш), погрузился в размышления о современных нравах. Бесспорно, думал он, нынешняя девица умеет решать свои проблемы, тем более если она духовно сформировалась в Северной Америке.

Придя к выводу, что благоразумные советы седых друзей не годятся там, где действует младшая дочь Доналдсона, Галахад стал смотреть на свинью, когда сзади раздалось блеяние. Он обернулся. Лорд Эмсворт напоминал умирающую утку; и брат его понял, что с ним что-то случилось.

5

Он не ошибся. Глядя на него, Галахад вспомнил Рожу Биффена, который приклеил ассирийскую бороду, чтобы

спасти от букмекеров, а она упала. Такой самый вид.

– Ну, Кларенс, – воскликнул он, – ты прямо из русского романа! Что случилось? Что ты сделал с Парслоу? Гадаешь, куда деть тело?

Лорд Эмсворт обрел дар речи.

– Галахад, – начал он, – не знаю, как тебе и сказать. Впервые, – лорд Эмсворт повис на перильцах, как мокрый носок, – этот Парслоу истинный мерзавец.

– Ничего нового. И что же?

– Не перебивай!..

– Ты говори, в чем дело. Значит, так: ты пошел к безнравственному баронету. Входишь в замок, он сидит босой. Холодно на него взглянув, ты сухо спросил: «Чему обязан честью?», а он, шевеля пальцами ног, ответил... Чему ты обязан? Что он ответил?

Лорд Эмсворт немного успокоился, словно черпал силы из созерцания весомой красоты.

– Галахад, – спросил он, – у тебя бывают предчувствия?

– Не юли, Кларенс.

– Я не юлю. Я рассказываю. Когда я вошел, мне что-то подсказало: он принес дурную весть. Он был какой-то злоедающий. Знаешь, я не ошибся. Он говорит: «Добрый день, Эмсворт», а сам вынимает из кармана фотографию.

– Чью?

Бросив для подкрепления сил еще один взгляд на Императрицу, подступившую к 54000-й калории, лорд Эмсворт

проговорил, понизив голос:

– Огромной свиньи, Галахад! И еще говорит: «Прошу! Победительница будущей выставки». Прямо так и сказал.

Галли его не понял. Ему показалось, что старший брат говорит загадками.

– Это была фотография Красы Матчингема? – уточнил он.

– Нет, нет, нет. Что ты, что ты. Она в два раза больше. Новая. Только что привез из Кента. Зовут Королева. Галахад, – голос девятого графа задрожал от страданий, – Императрице будет очень трудно победить.

– Неужели та свинья толще? – удивился Галли, бросая искоса взгляд на свинью свиней.

Лорд Эмсворт был неприятно поражен.

– Я бы не сказал. Нет, нет, не сказал бы. Но разница – в каких-то унциях. Соревноваться теперь труднее.

Галли присвистнул. Кроме любви к брату, в дело входили и финансовые соображения – как и Бидж, он поставил на Императрицу.

– Вот почему Бинстед ходил такой гордый! А можно прикупать свиней? Я думал, надо растить своих собственных, какие есть.

– Неписанный закон был всегда, а правила нет. Никому и в голову не приходила такая низость! Прямо поразительно!..

– Чудовищно, – согласился Галли.

– А ужасней всего, что ее готовит к борьбе эта Моника.

Галли стал суровым. Увидев его, продавец заливных угрей

бежал бы со всеми угрями, словно от грозы.

– Долой Монику! – сказал он.

Лорд Эмсворт заморгал.

– Конни...

– Долой Конни! Нам не до ее прихотей. С ней управлюсь я. Кроме того, я предупрежу Парслоу, что мы таких штук не потерпим. Не забывай, Кларенс, он на этом не остановится. Если его не предупредить, он не оставит камня на камне, только бы унижить Императрицу.

– Господи!

– Да. Но ты не волнуйся. Я владею ситуацией. Главное – вдохнуть страх божий в Конни. Где она? Отравляет нервы чаем? Ничего, я с ней поговорю, как строгий дядюшка!

– Галахад, – сказал лорд Эмсворт, глубоко вздохнув, – ты мне очень помогаешь!

– Стараюсь, Кларенс, стараюсь, – откликнулся Галли, установил покрепче монокль и, дыша решительностью, направился к замку. Лорд Эмсворт восторженно глядел ему вслед, не понимая, как может так держаться человек, который сейчас увидит Конни.

Что ж, Галахад – это Галахад.

Глава II

1

А в замке, кое-как обувшись, сэра Грегори стоял у окна и глядел в парк.

Если вам нравятся тонкие, извилистые баронеты, вы не оцените сэра Грегори. То был высокий и толстый человек за сорок, похожий на тех вельмож, которые так расцвели во времена принца-регента (1811–1820). Как и Бидж, он утратил стройность, но вы могли бы сделать из него не двух вполне солидных дворецких, а двух солидных аристократов; утратил же он ее потому, что получил наследство и замок, которых у него не было в те дни, когда он слонялся по Лондону без гроша в кармане.

Если вы равнодушны к яствам и винам, то, получив после тощих лет⁵ много денег и обширный погреб, вы станете лицом к лицу с тяжкими соблазнами. В земле, текущей молоком и медом⁶, естественно сесть поудобней и есть, пока не лопнешь. Так и случилось с сэром Грегори. Лишь железная воля спасла бы его от излишнего веса, а железной воли у него

⁵ ...после тощих лет... – то есть лет голода (см. Быт., 41).

⁶ Земля, текущая молоком и медом – так во многих местах Библии говорится о земле, которую Бог обещал своим избранныкам (Земля обетованная).

не было. День ото дня, долю кляня, он становился все то-о-ол-ще.

Терраса за окном сверкала в солнечном свете, но у балюстрады была тень от раскидистого дерева, а в этой тени – стол, накрытый к чаю. За ним сидела леди Констанс Кибл, читая письмо. Сэру Грегори захотелось выйти к ней. После такого пути чашка чаю не помешала бы.

Когда он вышел на террасу, слегка ковыляя, ибо натер ногу, всякий подумал бы, что он размышляет о чае; но это было не так. Недели две назад он обручился и размышлял о своей невесте Глории Солт. Если кто-нибудь умилился, мы заметим, что мысли его были горьки. Он едва ли не жалел, что, сраженный ее сверкающей красотой, произнес: «Вот что, как вы насчет, а?» Мы бы не сказали, что за эти дни он прозрел, но кое-какие стороны ее характера заметно охладили его чувства.

Завидев его, леди Констанс опустила одно из писем, которые пришли к ней с дневной почтой, и приветливо улыбнулась. В отличие от своих братьев, Кларенса и Галахада, она любила сэра Грегори.

– Как я рада вас видеть! – сказала она. – Что-то я не слышала машины.

Сэр Грегори объяснил, что пришел пешком, и леди Констанс удивилась.

– Боже мой! Вы очень устали?

– Отдохнул бы, ничего не скажу. Натер ногу, там пузырь.

– Ах, господи! Приедете домой, проткните.

– Хорошо.

– Раскаленной иглой.

– Спасибо.

– Только не булавкой! А пока – выпейте чаю. Пончик?

Сэр Грегори посмотрел на пончик странным, печальным взглядом и положил его на блюдо. Леди Констанс снова взяла письмо.

– От Глории, – сообщила она.

– А! – сдержанно отозвался сэр Грегори.

– Послезавтра она сюда заедет. С секретарем все улажено.

– Э?

– Для Кларенса. Помните, вы собирались позвонить ей, чтобы она подыскала ему секретаря?

– О! Значит, подыскала? Прекрасно.

Если бы с ними был лорд Эмсворт, он бы этого не сказал. Конни вечно приманивала в замок жутких людей в очках, истинное мучение, но сейчас их давно не было, и он надеялся, что опасность миновала.

– Она его знает. Самый подходящий человек.

И это бы сразило несчастного графа, который именно и не хотел, чтобы им управляли подходящие люди.

– Кларенс такой беспомощный, за ним надо присматривать. Как мило, что Глория это вспомнила. Прелестная девушка!

– А? – снова сказал сэр Грегори с прежней сдержанно-

стью.

– Такая спортивная, такая цельная. Я просто восхищаюсь. Как эти теннисные соревнования?

Сэр Грегори молчал. Он смотрел на пончик, тяжело вздыхая. Проследив за его взглядом, леди Констанс обратилась в удивленную хозяйку.

– Вы ничего не едите! Вам не нравятся пончики?

Звук, который вырвался из самых глубин баронета, нельзя назвать вздохом. То был стон, примерно такой, какой издает на костре индеец.

– Нравятся, – глубоким, дрожащим голосом сказал он. – Глория не разрешает.

– Глория? Не понимаю!..

Как спартанский мальчик с лисой, сэр Грегори скрывал свою боль от мира, опасаясь насмешек. Изнурять себя в угоду женской прихоти и впрямь смешно. Но сейчас он больше не мог – он просто бы лопнул, если бы не доверился доброму другу.

– Глория, – сказал он, – считает, что я толстый. Если я не похудею, она расторгнет помолвку. Она говорит, что не будет стоять у алтаря с таким... ну, в общем, с полным человеком. Вы же знаете этих спортивных девушек! Им подавай тренированных. Очень глупо. Я ей говорю: «Да что вы, я же не спортсмен!» – и все впустую. Пока я похож на воздушный шар – это ее слова, – она за меня не выйдет. Посмеяться она любит, но всему есть предел. Так и сказала.

– О господи!

Изливать душу приятно. Сэру Грегори стало легче. Хозяйка в ужасе смотрела на него, как бы приговаривая: «Ах!» или «О!», и на него снизошла та легкость речи, которая так помогла Отелло в похожей ситуации.

– Ни масла, – продолжал он, – ни сахара, ни хлеба, ни супа, ни соуса, ни спиртного, что там – картошку есть нельзя. Это не все. Она составила список ужасных упражнений. Утром – быстро встать. Глубоко вдохнуть. Коснуться ножных пальцев. Легкий завтрак. Прогулка. Легкий полдник. Опять прогулка – сейчас я ее и совершаю, ногу натер... Зачем вас утомлять? – спохватился сэр Грегори, собрав все свое мужество. – Да, я в аду, что поделаешь... Нет, нет, вторую чашку нельзя!

Тяжело поднявшись, он заковылял по террасе, вспоминая о новой свинье. Какая ирония судьбы! – думал он; ему надо худеть, ей – толстеть. Почему у свиней – один закон, у людей – другой?

Так шел он и размышлял, радуясь тому, что теперь идти не в гору, а под гору, когда услышал властный, звонкий оклик и, обернувшись, увидел Галли Трипвуда.

2

Галли был серьезен и суров.

– Минутку, Парслоу! – сказал он.

Сэр Грегори выпрямился во все свои шесть футов с лишним. Даже в буйные дни прошлого он не любил Галли Трипвуда, а более поздний опыт никак не способствовал прекрасной дружбе.

– Мне не о чем с вами говорить, – ответил он. Из монокля вырвалось пламя.

– Ах, не о чем? А мне есть о чем. Именно такие, как вы, довели до ручки и Содом с Гоморрой, и Римскую империю. Что это за штуки с новой свиньей?

– В чем дело?

– Кларенс говорит, вы ее привезли из Кента.

– Ну и что?

– Это нечестно.

– Это законно. Покажите мне, где это запретили.

– Есть кое-что повыше закона, юный Парслоу. Есть нравственность.

– Что?

– Так я и думал, не слышали. Хорошо, замнем. Значит, вы хотите послать вашу Королеву на выставку?

– Уже записал.

– Понятно, понятно... А теперь ваш утлый разум измышляет козни. Готовы на подлость, как в былые дни.

– О чем вы говорите?

– Вот как, о чем? – Галли горько и коротко засмеялся. – Не могли бы вы, Парслоу, припомнить один вечер на Госси-тер-стрит? Мы были молоды, и, по глупости, я согласился,

чтобы мой пес Кнут вступил в бой с вашим Банджо. Когда все было готово, пошли за Кнутом – и что же? Он спал в углу, набитый едой, как олдермен. Я звал его и свистал: «Кнут! Кнутик!» – но нет. Никакого ответа. А почему? Потому что вы отозвали его в сторонку и накормили бифштексами выше уровня моря.

– Ничего подобного!

– Доказать я не могу, но знаю точно. Я его понюхал. Одно слово – небольшой ресторан в летнюю ночь. Приговор истории ясен. Кому же еще, как не вам? Вы шли на все ради своих низких целей, шли – и сейчас идете. Вот мы стоим, а вы думаете: «Как мне устранить Императрицу?» Да, да, так и думаете! Помню, я сказал Кларенсу: «Кларенс, я знаю это-го Парслоу лет тридцать и торжественно заявляю, что, если бы его бабушка собиралась участвовать в соревнованиях по классу жирных свиней, но не под его флагом, он бы не колеблясь подмешал ей в корм что угодно». Что ж, разрешите напомнить: в игре участвуют двое. Вы травите нашу свинью – мы травим вашу. На одну отравленную картофелину для Императрицы мы ответим шестью для Королевы. Доброго пути, юный Парслоу. – И Галли пошел к замку.

Сэр Грегори, хватавший ртом воздух, обрел дар речи.

– Эй!

– Да?

– Вернитесь!

– Кто, я? Абсолютно незачем, дорогой мой, – отвечал Гал-

ли, продвигаясь к террасе.

Увидев его, леди Констанс подняла от чашки свой аристократический нос.

– А, это ты? – сказала она, ничуть не скрывая, что по-прежнему видит в этом брате пятно на их гербе. – Я думала, это сэр Грегори. Ты его видел?

– Парслоу? Да. Отковылял к себе.

– Что значит «отковылял»?

– Ну, отковылял.

– Вероятно, ты хочешь сказать, что сэр Грегори хромает? Он натер ногу. Мне надо с ним поговорить. Что ж, позвоню. Хочешь чаю?

– Не пью, спасибо.

– Чего же ты тогда хочешь?

– Поговорить с тобой, Констанс. Seriously поговорить об этой твоей Монике. Нечего сказать, навязала Кларенсу какую-то хоккеистку! Мы с ним потолковали и пришли к выводу, что ее придется уволить. Самое время взять за сиденье штанов и выбросить во тьму внешнюю. Да просто быть не может, чтобы ты решилась предстать перед судом истории как женщина, ради всяких Моник помешавшая Императрице достичь небывалого триумфа. Подумай сама, третий раз – премия на этой выставке! Тут нужен свинарь из свинарей, высочайшее искусство. Не спорь. Я сказал.

Неприятно, когда тебя пугают. У Джерри Вейла есть сцена, где к герою посреди улицы подходит некий субъект и шипит ему в ухо: «Эй, вы! Сматывайтесь, а то хуже будет», а герой выводит из этого, что Луи Черный Ус со своей шайкой прознал про его разыскания, связанные с убийством человека в зеленой шляпе, и, при всем своем мужестве, пугается, точнее – «по его спинному хребту пробежал холодок страха».

Именно это случилось со спинным хребтом сэра Грегори. Встреча с Галли его потрясла. Да, тот говорил лишь об ответных мерах, первым он не начнет, но несчастный баронет был не так прост. «Ответные меры, ха-ха-ха!» – думал он, прекрасно зная, что Галли Трипвуд не станет дожидаться противника.

Вернувшись домой, сэр Грегори сел в кресло и разулся, а потом позвонил и попросил дворецкого вызвать к нему Джорджа Сирила Бурбона. Через некоторое время в комнату вплыл нелегкий запах, а за ним и свинарь.

Джордж Сирил был тощ, высок, рыж, а главное – косоглаз; и мы пойдем сэра Грегори, который не смотрел на него.

Но что такое красота? Правильно, суета сует. Ко всему прочему, Джорджу Сирилу перебили нос во время политической дискуссии; но когда нанимаешь свинаря, не это важ-

но. То, чего Бурбон не знал о свиньях, уместилось бы на открытке от Моды Монтроз.

Напряженно и нервно сэр Грегори пересказал беседу с Галли, немного выделив отравленную картошку, а свинару выслушал его с благородной важностью.

– Вот, – закончил сэр Грегори. – Что будем делать?

Джордж Сирил любил иногда прибегнуть к правильной речи.

– Собственно говоря, сэр, – сказал он, – этот... обдурит нас в два счета.

Вероятно, тут бы надо заметить: «Осторожней в выражениях!», но существительное показалось баронету исключительно точным. В мыслях он заходил и дальше – да..., но еще и ***, и даже!!!

– Я и сам так думаю, – согласился он. – Остается одно, Бурбон, – крайняя осторожность.

– Ясно, сэр.

– Ни минуты отдыха!

– То-то и оно, сэр. Гунны у ворот.

– Кто?

– Гунны, сэр. У ворот, – отвечал Джордж Сирил, ходивший когда-то в воскресную школу. – Или мидяне. Те рыщут.

Сэр Грегори это обдумал.

– Так. Понятно. Мидяне, вы говорите?

– Да, сэр. Мидяне. Орды мидян, сэр. Круши их, гони из святой земли!

– Ага, ага. Я как раз хотел предложить. Есть у вас ружье?

– Нету, сэр.

– Я вам дам. Не расставайтесь с ним, а в случае чего...

Нет, убивать никого не надо. Увидите ночью... я не называю имен... – что вам мешает выстрелить ему в зад?

– Ничего не мешает, сэр, – добродушно согласился Джордж Сирил.

– Сам напросился, в конце концов.

– То-то и оно, сэр. Из двух стволов сразу.

Беседа шла так успешно, сеньор и вассал были так едины, что внезапная мысль посетила его, и он ее выразил, как может выразить человек, которого невеста посадила на диету. Страдать легче вдвоем.

– Да, – сказал он, – и еще одно. С этой минуты – никаких напитков.

– Сэр!

– Вы не расслышали? Никаких кабаков, никаких пьянок. Держите себя в руках.

Джордж Сирил Бурбон дернулся, как устрица, проглотившая дверную ручку.

– Напитки – это не пиво?

– Почему же?

– Значит, пива не пить?

– Да.

– Пива?

– Ни капли.

Джордж Сирил Бурбон открыл рот, словно сейчас изрыгнет пламя обличений; но закрыл его.

– Хорошо, сэр, – кротко ответил он.

Сэр Грегори остро на него посмотрел.

– Да, – сказал он, – я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете о том, что сумеете от меня ускользнуть. Нет, не сумеете. Я строго-настрого прикажу владельцам местных кабачков не обслуживать вас. Одного я не понимаю, – продолжал он, – почему вас всех тянет выпить. Вот я – в рот не беру. Хорошо, идите.

Печально и с укором поглядев на хозяина, обездоленный Бурбон вышел, а за ним – и свиной запах (не весь). Через несколько минут позвонила леди Констанс.

– Матчингем, восемь тридцать?

– Да.

– Сэр Грегори?

– Да.

– Вы дома?

– Да.

– Нога болит?

– Да.

– Я вам сказала, чтобы прокололи?

– Да.

– Иголкой. Не булавкой. Видимо, они медные, хотя вообще и не скажешь. Но я звоню не поэтому. Понимаете, Глория... Понимаете, этот режим... Понимаете, упражнения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.